

РЕЦЕНЗИИ

**СИНЕЦКАЯ Э.А. (2019) «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД»
КИТАЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ, ИЛИ ФЕМИНИЗМ В КИТАЕ.
М.; СПб.: Нестор-История. — 432 с.**

Ирина Ильинична Елисеева (irinaeliseeva@socinst.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Елисеева И.И. (2023) Рецензия на книгу: Синецкая Э.А. (2019) «Путешествие на Запад» китайской женщины, или Феминизм в Китае. М.; СПб.: Нестор-История. — 432 с. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(1): 263–267. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.11>. EDN: QLAYPA

Книга не из последних новинок, но заслуживает внимания социологов. Для описания отношений Китая с западным миром широко используется теория «обмана». Суть ее состоит в том, что, несмотря на обильные инвестиции Запада, Китай как был, так и остался самобытной страной со своими ценностями и малопонятной западному человеку духовной культурой. Особенно это проявляется в положении женщины, которая дома может быть полновластной хозяйкой (при условии, что она доказала способность к материнству), но занимает скромное место в публичном пространстве. Представляемая книга — одна из попыток ответа на вопрос, изменяется ли Китай. В качестве предмета исследования взята проблема феминизации китайских женщин и изменения их поведения в интимной и социальной сфере. В своем анализе автор ссылается на множество публикаций, вышедших на китайском языке, вводя тем самым их в научный оборот российских ученых.

Истоки феминизма в Китае, согласно исследованию автора, оказались довольно глубоки и относятся к примерно к XVII в., связанному с периодом китайского Просвещения. Вместе с тем многие китайские и российские исследователи отрицают наличие в Китае таких этапов, как европейский Ренессанс — переход от Средневековья к Новому времени, полагая что развитие китайского общества шло постепенно, а не поэтапно. Соответственно можно утверждать, что имел место «субъективный прорыв к феминизму», не выходящий за рамки «индивидуального размышления», но не социальное движение (с. 75–76). Более достоверной является связь

проникновения идей феминизма с проповедями миссионеров и их деяниями, в которых христианские ценности сочетались с объяснениями западной культуры. Автор книги отмечает, что в Библии можно встретить немало идей, вступающих в противоречие с многовековой семейно-клановой структурой китайского государства (с. 79). Это пробуждало в китайских женщинах чувство самодостаточности и автономности в противовес их извечному предназначению быть сосудом для зачатия, вынашивания и рождения ребенка в соответствии с укорененной целью брака — рождением ребенка/детей. Христианские миссионеры создали немало школ и колледжей для девочек, которые затем становились женами новых политиков и бизнесменов. Они были подготовлены к общению с западными женщинами, с западным миром. Для понимания временных координат укажем, что первая школа для девочек была открыта в 1844 г. в портовом городе Нинбо.

Эмансипация женщин в Китае стремительно развивалась в первой половине XX в. Особенность этого движения состояла в том, что оно было инициировано мужчинами, решительно настроенными на реформы в стране (с. 98). Характерно и то, что феминизм в Китае не был связан с суфражизмом, поскольку такие институты, как парламент или органы самоуправления, в Китае отсутствовали, так что не могло быть борьбы женщин за участие в них. Читатель найдет в книге яркие зарисовки душевных терзаний и описаний жизненных трудностей китайских женщин, бросивших вызов традиционной участи женщин — быть человеком «второго сорта».

Много интересных моментов содержит раздел книги, посвященный сравнению феминизма в России и Китае, в материковом Китае и Тайване. Отмечается, что самыми яркими противниками равноправия мужчин и женщин, состоящих в браке, являются матери мужей, но даже если это действительно так, то негативные эмоции не мешают китайцам разных поколений сохранять тесные связи, невзирая на пространственную дистанцию между нами или различия в стиле жизни. В Китае весьма популярна теория фамилизма/неофамилизма и термин “extended family”, объединяющий семьи родственников разных поколений (см.: Аньци, Яли 2015). Осмысление эволюции китайской семьи оказывается необходимым, для того чтобы понять, как меняются взаимоотношения между обществом, государством, семьей и индивидом, что в этих изменениях является универсальным, а что специфическим для отдельных стран и культурных ареалов (см.: Елисеева 2018).

Э.А. Синецкая анализирует не только социальные процессы, но и интимную жизнь молодой китайской женщины (с. 308–341). В этой части

работы она основывается практически на единственной публикации (роман Вэй Хой «Шанхайская драгоценность», Гонконг, 2000). Такого рода произведения — большая редкость и поистине находка для социолога, специализирующегося на изучении сексуальных отношений. Здесь уместно вспомнить высказывание М. Фуко: «Сексуальность теперь тщательно скрывается. Она меняет место жительства. Она конфискуется в пользу скрепленной браком семьи. И полностью поглощается серьезностью функции воспроизводства. Секс окружают молчанием. Закон вершит супружеская пара, узаконенная и производящая потомство» (Фуко 1996: 99–100). Звучит актуально для российской социологии, которая относительно недавно лишилась двух выдающихся сексологов — С.И. Голода (1935–2013) и И.С. Кона (1928–2011) — и не получила пока что адекватной замены. Для России, где в период «гибридной реальности» все более отчетливо, проступает релятивизм нравственных норм, тема секса приобретает особое значение. Российская школа оказалась неспособной к диалогу с подростками на тему полового воспитания. В культуре семейного общения у россиян также нет традиции обсуждения сексуальных проблем. Российские дети оказались предоставлены сами себе. Трудно сказать, как эта проблема решается в Китае, но то, что она существует и требует внимания, очевидно.

Расширяя рамки рецензии, отметим, что китайские женщины имеют гораздо более низкие шансы остаться вдовами, нежели женщины в России: ожидаемая продолжительность жизни населения в Китае в среднем на пять лет выше, чем в России, разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин составляет лишь два года по сравнению с десятью годами в России. Основная причина — более умеренное употребление алкоголя мужчинами и женщинами (у мужчин в два с лишним раза ниже, у женщин — в три раза ниже в Китае по сравнению с Россией) (Кучаков, Раскина 2017).

Разводимость в Китае растет, но увеличивается и распространенность повторных браков. При несомненно большей привязанности к семье, зависимости от мнений и решений родственников китайская женщина меняется, становится все более самостоятельной и раскрепощенной. Этому способствует и изменение образа жизни в крупных городах Китая, где женщины живут в современных квартирах со всеми удобствами, дети обучаются в музыкальных школах и разучивают те же произведения Баха, Моцарта, Бетховена, что и их европейские и российские сверстники. Расширилась сфера применения женской рабочей силы: в научных учреждениях, образовании, культуре, медицине женщины работают наравне с мужчинами. Но на руководящие позиции их практически не допускают,

так что гендерное неравенство в заработной плате в Китае вряд ли ниже, а скорее даже выше 20 %, характерных для России. Мы согласны с заключением автора книги: «Процесс перестройки общественного сознания происходит по объективным законам, и, думается, распространение его на китайской территории — только вопрос времени» (с. 409).

Надеемся, что знакомство российского читателя с рецензируемой книгой послужит стимулом развития социальных исследований в области гендерных и сексуальных отношений и позволит полнее осознать значимость идей феминизма не только для Китая, но и для России.

Литература

Аньци Сюй, Яли Сюе (2015) Структура семьи. Елисеева И.И., Аньци Сюй (ред.) *Семья в России и Китае: процесс модернизации* (с. 175–198). СПб.: Нестор-История.

Кучаков Р.К., Раскина Ю.В. (2017) Социально-экономический градиент самооценок здоровья пожилого населения России и Китая: результаты применения иерархических моделей упорядоченного выбора. *Финансы и бизнес*, 13(4): 22–46.

Елисеева И.И. (ред.) (2018) *Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая*. СПб.: Реноме.

Фуко М. (1996) *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. Пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Косталь.

BOOK REVIEW: SINETSKAYA E.A. (2019) THE CHINESE WOMAN'S "JOURNEY TO THE WEST", OR FEMINISM IN CHINA.

Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. — 432 p.

Irina I. Eliseeva (irinaeliseeva@socinst.ru)

The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

Citation: Eliseeva I. (2023) Book review: Sinetskaya E.A. (2019) A Chinese Woman's Journey to the West, or Feminism in China. M.; St. Petersburg: Nestor-History. — 432 p. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(1): 263–267 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.1.11>. EDN: QLAYPA

References

Anqi Xu, Yali Xue (2015) *Struktura sem'i* [Family structure]. In: Eliseeva I.I., Anqi Xu (eds.) *The family in Russia and China: the process of modernization*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 175–198 (in Russian).

Kuchakov R.K., Raskina Yu.V. (2017) Socio-economic gradient of health self-assessments of the elderly population in Russia and China: results of application of hierarchical ordered choice models [Sotsial'no-ekonomicheskii gradiyent samootsenok zdorov'ya pozhilogo naseleniya Rossii i Kitaya: rezul'taty primeneniya iyerarkhicheskikh modeley uporyadochennogo vybora]. *Finansy i biznes* [Finance and Business], 13(4): 22–46 (in Russian).

Eliseeva I.I. (ed.) (2018) *Novaya znachimost' sem'i i mezhpokolennykh otnosheniy dlya Rossii i Kitaya* [The New Significance of the Family and Intergenerational Relations for Russia and China]. St. Petersburg: Renome (in Russian).

Foucault M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years]. Transl. from fr. S. Tabachnikova. M.: Costal (in Russian).